

Умереть вовремя

Модр¹ не вставала уже три недели. Еще недавно она потихоньку ходила по дому, выходила на улицы, стояла у печи, приглядывала за правнуками. А потом упала, потеряла сознание, очнулась уже на кровати. Боль была сильной, шевелить ногой она не могла. Вставать, как выяснилось, тоже (хотя позже, через неделю, попыталась, но снова потеряла сознание от боли). Из районного центра Фридрих привез русского доктора, пожилого уже человека, который сказал, что если бабушка сама не встанет через 3-4 месяца, то уже никогда не поднимется. Если не будет шевелиться и останется в покое, то шанс есть. Говорил доктор по-русски, Фридриху, который был уверен, что бабушка ничего не понимает. Он только передал ей потом, что все, мол, в порядке, надо просто подлечиться, ушиб пройдет. Конечно, это был не ушиб. Модр четко слышала слово «перелом». Она так же четко слышала, что даже в мирное время никто не согласился бы делать что-то другое, кроме как ждать – срастется само или нет.

Бабушка Катарина понимала русский. Давно и хорошо. Но не осталось ни одного человека в селе, который бы это помнил. Когда-то давно она с младшей сестрой Елизабет уехала в Саратов к местному купцу работать по дому. В ту пору богатые городские с удовольствием приглашали молодых немок-колонисток, которые были великолепными хозяйками. Нужна была только рекомендация. Её выдала им родная тетя, управлявшая домом местного чиновника. Девушки были грамотные, учились в школе, из хороших семей. Купец был доволен ими, неплохо платил, и обе они были просто счастливы, что ведут взрослую самостоятельную жизнь, да еще и родителям могут помогать.

Через два года в дом приехал сын хозяина. Он учился в Петербурге и теперь, окончив университет, вернулся помогать отцу в деле. Максим, так звали молодого человека, сразу обратил внимание на молоденькую симпатичную домработницу, старшую из сестер, которой вот-вот должен было исполниться двадцать один год. Поначалу Катарина и не думала смотреть в его сторону, опасаясь, что может потерять работу. Но Максим был очень вежлив и настойчив: не позволял себе пошлостей, грубостей, дарил цветы, писал записки на немецком, признавался в своем чувстве – и сердце молодой, не знавшей доселе любви девушки дрогнуло. Они стали встречаться тайком от всех. Об этих встречах знала только Елизабет – младшая сестра, которая была рада за Катарину, лишь изредка высказывая опасения о том, что скажут родители о браке с человеком не из общины, если их отношения зайдут так далеко. Но страсть, поглотившая молодых людей, не знала ни сомнений, ни вопросов. Так они встречались год, часами мечтая о будущей жизни.

Реальность ударила по затылку больно и внезапно. Почти одновременно произошли два события, разрушившие радужный мир влюбленных. Родители Катарины прислали письмо, в котором говорилось, что Генрих Метц, друг ее детства и сосед, обратился к ним, выразив намерение жениться на Катарине, которая якобы дала свое согласие. Они высказывали свое мнение, что это был бы очень удачный и крепкий союз. К сему было приложено и письмо от самого Генриха, который почему-то не сомневался в положительном решении Катарины. Уверенность его основывалась на том, что, когда он посадил напротив ее дома *maibaum*² полгода назад, во время приезда девушки домой, оно было единственным, и Катарина оставила его нетронутым. Только сейчас Катарина поняла, что зря не отреагировала на то, что посчитала старинной забавой, не более.

Отец Максима также нашел для сына супругу – дочь крупного чиновника, старшего советника губернского правления, который в перспективе должен был уехать в Петербург на очень высокую должность. В конце недели влюбленные, как обычно, встретились в городском

---

¹Modr, от нем. «Grossmutter», обращение к родной бабушке.

²Майское дерево (нем.). Один из обычаев в немецком Поволжье, когда в ночь под Троицу молодой человек, выражая симпатию к девушке, вкапывал у ворот ее дома так называемое майское дерево, представлявшее из себя шест со свежесрубленными ветками. Установка такого дерева считалась большой честью для девушки и, по сути, означала предложение ей роли невесты.

саду, в самом дальнем его уголке. Они плакали и клялись друг другу в верности – Максим на немецком, Катарина на русском, как бы подчеркивая нерушимость клятв. Самым решительным образом она объявила избраннику, что отправляется домой и расставит все по местам, объяснится с родителями. А потом они приедут туда вместе – за благословением. В свою очередь, Максим должен был все рассказать отцу. По приезде молодые люди договорились представиться ему как жених и невеста. Окрыленные своим планом, они расстались.

На следующий день Катарина выехала домой. Дома был жуткий скандал, отец и мать упрекали девушку в распущенности, ругали ее за то, что выставлены в дурном свете и уж тем более протестовали против связи с русским купцом. Катарина спокойно выслушала родителей и в минуты, когда слова у них кончились, твердо объявила о своем решении выйти замуж за Максима. Отец, вздохнув, очень спокойно, но строго сказал: «Nor bring den net her! Hoirodet dort. Nouch ruschischen Brauch. Und lost euch net blicka. Mutter, geb dere Morgens Geld fun di Aussteuer, se soll wegfahre. Uns brauchst ka Gelt mer schiga. S'kommt Zeit, kommt ach a Rat. 'S Lisje soll awr Naam komma, do will ich kane zweide Tochder v'rliera!»¹

Ночь Катарина проплакала. Проплакала и мать. На следующий день девушка пошла в дом Генриха и скупой извинилась за то, что вовремя не отреагировала на его майское дерево, подарив напрасную надежду.

Будучи практически проклятой отцом, она цеплялась за отцовское «S'kommt Zeit, kommt ach a Rat». В этих словах она видела надежду на будущее воссоединение с семьей. Примчавшись в Саратов, она в первую очередь пошла к сестре, чтобы все рассказать. Та встретила ее с заплаканными глазами. На вопрос, что случилось, сестра начала рыдать так, как рыдают на похоронах, когда играет музыка. Катарина напоила сестру водой и потребовала объяснений. С большим трудом та смогла рассказать, что вчера в доме был жуткий скандал с битьем мебели и посуды. Хозяин узнал о связи сына и молодой немки и был просто взбешен заявлением того о желании жениться на ней. В конце концов он поставил условие – либо дочь чиновника, либо проклятие и лишение наследства. Дал срок до сегодняшнего вечера, вызвал поверенного для оформления всех юридических деталей.

Дальше ничего объяснять было не нужно. Катарина представила, с какой гордостью встречала бы ее сестра, если бы Максим выбрал женитьбу на ней. Подобное поведение сестры было возможным только в случае, если её избранник покорился отцовской воле.

Она, конечно, поговорила с ним. Он что-то мямлил – о том, что они заигрались, что этот мир очень сложен, что без благословения отца он не сможет жить, что у отца больше нет наследников, что он был счастлив с ней, что, прощаясь с ней, он простился с юностью и пора вступать во взрослую жизнь, где не всегда делаешь то, что хочешь... В какой-то момент Катарина начала ненавидеть себя за то, что она понимает все, что он говорит... Она уже очень хорошо знала русский и прекрасно чувствовала каждый оттенок интонации, каждое слово, подготовленное заранее. Влепив ему пощечину такой силы, что по губам потекла кровь, яростно произнесла по-немецки:

– Feigling. Ich hasse dich².

Развернулась и ушла.

Она уехала домой на следующий же день. Перед этим зашла к хозяину и, пока он не опомнился, поблагодарила его за все, извинилась и попросила оставить сестру на работе.

Дома она упала в ноги родителям, вымолила у них прощение. Затем пошла к Генриху и сообщила, что готова стать его женой. Совершенно ничего не понимающий Генрих только и сказал, что очень рад, и долго еще стоял на крыльце, провожая Катрину взглядом. До конца жизни он так и пребывал в неведении относительно всех деталей этой истории.

С тех пор Катарина поклялась ни слова больше не произносить по-русски. Это была ее форма мести. Никому не нужной, кроме нее самой. Испытанное за эти несколько дней

---

¹ Только не привози его сюда. Женитесь себе там. По русскому обычаю. К нам – ни-ни. Мать, завтра выдай ей денег из приданого – и пусть уезжает. Деньги нам больше присылать не надо. Придет время – придет и совет. А Лизонька пусть возвращается домой. Я не хочу потерять двух дочерей (нем., диал.).

² Трус. Ненавижу. (нем.)

унижение очень сильно повлияло на ее и без того непростой характер, став переломным моментом всей дальнейшей жизни.

Все это было вроде бы таким далеким, уже почти не существующим, но в то время, когда она вслушивалась в слова доктора, невольно вспоминала о своей клятве и обо всем, что с ней связано, что как бы подтверждало реальность произошедшего тогда. Врач назначил какие-то пилюли и уколы один раз в день. Правда, посетовал, что достать препараты сейчас будет трудно. Фридрих всё же где-то достал. Не так много, но на один укол раз в два дня хватало. Уколы ставила Лида Мильбергер, которая училась в медицинском училище в городе, а на каникулы приезжала домой.

Лида рассказывала бабушке все свежие новости: сводки с фронта, новости о жителях села – кто ушел добровольцем, кого призвали... В общем, из-за занятости внука и его жены на работе в колхозе стала основным связующим звеном между Катариной и внешним миром. Она же приглядывала за двумя правнуками.

Катарина почти не говорила. Сил на это у нее уже не было. Она понимала, что за прошедший месяц в ее состоянии ничего не изменилось к лучшему и что конец её жизни близок. Каждый раз, думая о своем состоянии, начинала переживать, что выбрала не самый лучший момент: идет война, Фридрих вот-вот может оказаться в армии, Анна, его жена, нуждается в помощи... Но в то же время век ее был настолько долг, что, кажется, все, что могла, для семьи она уже сделала. Откуда она черпала силы в свой 91 год, мало кто понимал. Ей не то чтобы хотелось умереть. Она просто понимала неизбежность происходящего.

На четвертой неделе болезни к ней пришел Генрих. Её муж. Он умер очень давно. В 1905, сразу после рождения внука Фридриха. Его закололи вилами жандармы, когда он спал в стогу сена. Жандармы искали какого-то политического преступника; кто-то указал на сеновал. В стогу сена, укрывшись от дождя после работы, спал Генрих – он любил ночевать в поле и во время сенокоса часто не возвращался домой. Жандармы очень ответственно подошли к своей работе и яростно истыкали несколько стогов сена вилами. У одного из них вилы воткнулись во что-то, непохожее на сено. Это был Генрих. Его увезли в лечебницу, но спасти не сумели.

Катарина не любила Генриха, но он очень любил ее. Она отвечала ему покорностью и уважением. Это был очень крепкий дружеский союз, в котором было все, кроме страсти. Отсутствие страсти и любви со стороны Катаринины компенсировалось ее закаленным и крепким характером, а также целью родить и вырастить счастливых детей. На этом и держался союз с её стороны. Генрих мирился с холодным нравом супруги и был в этом смысле идеальным мужем. Сейчас он пришел и сел в углу на стул. Он выглядел таким, каким она запомнила его перед уходом на тот злосчастный сенокос. Смотрел на нее нежно, слегка улыбаясь. Катарина так обрадовалась встрече, так обрадовалась, что появился тот, кто помнит еще ту, прошлую далекую жизнь, что поспешила тут же рассказать ему все, что произошло с ними после его смерти: рассказала про смерть старшего сына на войне с японцами, про смерть среднего и двух из трех его детей во время голода, про то, что дочь вышла замуж и уехала в Америку, про Карла, младшего сына, пропавшего без вести, про сына Карла – Фридриха, которого он видел только-только родившимся, про Карла и Александра – детей Фридриха.

В комнату зашла Лида и услышала какое-то невнятное бурчание, среди которого трудно было что-то разобрать.

– Баба Катя, с кем это вы? – как бы далёким эхом отозвался её голос в голове у Катаринины.

– С Генрихом, заходил меня проведать... – как ни в чем не бывало, ответила Катарина.

Лида напугалась, осмотрелась, приложила руку ко лбу бабушки и, убедившись, что жара нет, не стала обсуждать ее ответ, а начала кормить горячим бульоном, сообщив попутно, что в селе появились солдаты, которые, видимо, идут на фронт, а также рассказав о подвиге их земляка Генриха Гофмана, про которого говорили по радио, что он выдержал пытки фашистов и ничего им не рассказал.

Муж Катаринины ушел, так ничего и не сказав. На следующий день пришел отец. Он пришел с трубкой, точно такой, которые сам делал на продажу и для себя. Отец так же сидел в

углу и медленно курил, наполняя комнату дымом крепкого домашнего табака. Он любил дочь. И очень переживал за тот случай, когда прогнал Катарину из дому. Он так и не узнал, что же случилось с дочерью, и был уверен, что она из-за него вернулась в семью.

Когда отец умирал, долго болея, он несколько раз в бреду просил у дочери прощения, но был не в состоянии услышать и понять ее объяснение. Сейчас Катарина собралась духом и поспешила все ему рассказать. Очень кратко и сухо, но достаточно, как ей показалось, чтобы отец понял, что ни в чем не виноват.

– Ich weiß alles, Tochter. Mir rede d'noch.¹, – скупко произнес он и вышел из комнаты.

Катарина, по мнению домашних, была в бреду. Она с кем-то разговаривала, бормотала что-то, засыпала надолго и почти не дышала. Тем не менее периодически наступало просветление, и она спрашивала о свежих новостях, просила сладкий чай или бульон. В одну из таких минут, когда она, чуть приподнявшись, пила чай из кружки, придерживаемой Лидой, в комнату вошел Фридрих. Он был очень серьезен и сосредоточен.

– Нас выселяют, – сказал он и положил на стол газету, усевшись в тот угол, в который усаживались все тайные посетители Катарины.

– Кого? – спросила Лида, – Куда?

– Всех немцев, из республики. В Казахстан и Сибирь. Говорят, мы все шпионы. Завтра сказали собраться и к девяти подойти к школе... С собой не больше тонны на семью. Скот и зерно можно сдать. Потом вроде выдадут.

Молчание заполнило комнату так, словно в ней находилось не три живых человека, а три покойника.

– Фридрих, сынок, – сказала Катарина. – Ты, главное, не раскисай. Выселяют, так выселяют. Война – дело такое. Тебе надо обо всей семье заботиться; думай об этом. А после войны вернетесь.

Лида, как будто осознав услышанное, бросилась в свой дом.

– Бабушка, но ведь все оставляем... Дом, скотину... Столько прошли всего – голод, смерти и вот теперь... да еще и шпионами считают... Это ж как преступников, понимаешь...

– Генриха видел?

– Да, видел...

– Ты с ним держись вместе, все-таки брат твой двоюродный. Он один от дядьки твоего голод ребенком пережил.

– Бабушка, ты почему такая спокойная? Тебе ведь тоже ехать придется, они никого не оставят.

– Ты не переживай, – уже тяжело дыша, отвечала Катарина, – я умру скоро, если хотят, пусть полумертвую тащат.

– И ты предлагаешь нам бросить тебя здесь?

– Фридрих, не о том думаешь. Иди, семью собирай, вещи, бумаги. Фотокарточки возьми вон со стены обязательно, Библию не забудь. Ты отвечаешь за всех, это я говорю тебе, модр...

Катарина вновь почувствовала себя главой семьи. В том времени, когда она была главной и отвечала за детей и внуков. После смерти мужа она достойно приняла на себя роль главы семейства и сделала, наверное, все, что было возможно для того времени, чтобы сохранить семью. Принимала все решения. Никогда не паниковала. Авторитет её был непререкаем. Если бы не ее решительность и спокойствие, ни Фридриха, ни его детей просто не было бы. Так же, как и Генриха – единственного выжившего ребенка ее среднего сына, которого она на себе, опухшего, уносила из дома, где уже лежали три трупа – ее невестки и двух младших детей. Это она хоронила близких, помогая могильщику – отцу её сиделки Лиды – закапывать ямы. Это она приносила в семью деньги, дополнительно зарабатывая шитьем, кулинарией и работой по дому. Она, не раздумывая, отпустила дочь в Америку, заставила сына и внуков вступить в колхоз и работать там во что бы то ни стало, чтобы не ссориться с новой властью. И вот теперь, когда до смерти ей оставались считанные часы, она вновь взяла власть в

---

¹ Я все знаю, дочка. После поговорим (нем.).

семье в свои руки. Состояние нужности придало ей сил на этот разговор с Фридрихом и на то, чтобы он ни на секунду не сомневался в ее уверенности. Она плохо понимала, кого, куда и зачем отправляют, но поняла, что семье нужно все бросить и уехать. И ей было очень важно, чтобы семья, которую она сохраняла, как могла, не поддавалась панике и держалась вместе.

Слова Катаринины отрезвили Фридриха; поцеловав бабушку, он ушел к семье в соседний дом. Вечером он с правнуками пришел снова. Услышав, что модр с кем-то разговаривает, он подумал, что зашла Лида, но в комнате никого не было.

– Кто там? Кто там пришел?

– Это мы бабушка...

– Фридрих, ты еще не уехал?

– Завтра, бабушка...

Тут же пришел Генрих. Он обнял Катарину, а потом обратился к Фридриху.

– Я пытался узнать, что делать с бабушкой. Никто ничего не знает, все бегают, суетятся, начальников нет. Как поступим?

– Просто оставьте меня здесь, прошу Вас... – еле выговорила Катарина. – Просто будьте рядом друг с другом в чужом краю...

Все молчали... Это решение казалось всем единственно верным, но никто не решался сказать это вслух.

– Завтра попросим, – сказал Фридрих, – чтобы ее увезли в больницу.

– Не надо, я тут умереть хочу... Фридрих, Генрих, возьмите Библию и фотокарточки! Да, там еще где-то *Gesangbuch*¹ на комод, тоже возьмите...

Захныкали Карл и Александр. Бабушка поцеловала их в последний раз и наказала помогать родителям. Фридрих отвел ребят домой, где они еще долго помогали матери собирать вещи, а сам вернулся. Генрих тоже не стал уходить. Они провели ночь рядом с модр. Плакали, разговаривали между собой, немного поспали. Катарина уже почти не дышала. Она слышала происходящее, пыталась сказать внукам, чтобы шли набираться сил, собирать вещи, но, видимо, у нее это не получалось.

Около шести Фридрих проснулся. Несмотря на раннее время, шума за окном было много. На кровати лежала бабушка, в углу сидя дремал Генрих. Фридрих подошел к бабушке. Как ему показалось, она не дышала. Он стал судорожно толкать Генриха.

– Генрих, вставай, Генрих, слышишь!

– Что, что такое? – подскочив на стуле, вскрикнул Генрих.

– Бабушка умерла!

Генрих подошел, наклонился над бабушкой, не услышал дыхания, и сердце его бешено заколотилось, ноги стали мягкими, голова пошла кругом. Он присел обратно на стул.

– Надо бы похоронить перед отъездом – произнес Фридрих.

– Да только кто разрешит...

– Я пойду к своим, а ты – к своим. Проверим, как завершили сборы. Потом отправимся в школу, там штаб у военных, найдем главного и попросим разрешения похоронить; уедем в последнюю очередь.

План показался более чем удачным. Но уже через 30 минут, когда Генрих на не самом хорошем русском пытался объяснить какому-то капитану, что хочет кого-то похоронить, он стал понимать, что в условиях всеобщего выселения никому нет даже малейшего дела до того, что умерла «какая-то древняя старуха» (так сказал капитан). Он кричал, что времени до сборов уже почти не осталось, что всех, кто умер, они похоронят, а если его и его семьи не будет во время переклички у школы – их найдут и арестуют.

Он вышел из школы, к которой уже прибежал запыхавшийся Фридрих.

– Ну, что?

– Бесполезно... – с грустью сказал Генрих.

– Что будем делать? У нас чуть меньше двух часов до сбора у школы...

---

¹ Книга богослужебных песнопений у лютеран (нем.).

– Если сами понесем хоронить – не успеем, привлечем внимание...

– Ну так что, оставлять ее им? Так вот взять и бросить нашу модр каким-то солдатам, которым и дела до нее нет? Пойду я попробую.

Фридрих тоже ничего не добился. Кроме того, что теперь к его семье, как с особо буйным, вместе с ним отправились солдаты.

– Постой, капитан, – сказал он – Ведь нам же дадут вернуться сюда?

– Это не мне решать.

– Дай обещание, что похоронишь бабушку на кладбище, как подобает?

– Захороним, захороним. Ведите его уже! – Последняя фраза была обращена к конвою.

Фридрих переглянулся с Генрихом на выходе и сказал, что обещали похоронить. Времени оставалось совсем немного; надо было еще помочь жене и детям завершить сборы.

Невозможность похоронить бабушку наложила тяжелый отпечаток на их и без того нелегкий отъезд. К тому же со временем Фридрих начал переживать: уж не ошибся ли он, что бабушка умерла? Мысль о том, что они оставили родного человека, который спас их и вырастил, очень долго не давала им покоя. Настолько, что двадцать лет спустя Фридрих возвращался в село и пытался хоть что-то узнать о месте захоронения старушки. Но ни дома, ни людей, которые были свидетелями тех событий, уже не было. А документов и подавно...

Знать бы Фридриху, что где-то в архивах все-таки есть рапорт одного капитана с указанием места захоронения. После переключки он пошел обходить дома и обнаружил Катарину лежащей на кровати и еще вдыхающий воздух.

– Товарищ капитан, она дышит еще! Ну и что с ней делать? Одурели совсем эти немцы, бросили бабку!

– А что им, на себе тащить ее? Хотя они вообще-то похоронить ее просили.

– Да хоть и на себе... А нам-то что с ней делать теперь?.. Не в больницу же везти!

Катарина пыталась кричать, что в больницу не надо, что она хочет умереть здесь, в своем доме, но эта попытка не была замечена живыми. Она все еще слышала происходящее, но ничего не могла сказать и показать.

– Я предлагаю оставить ее здесь, если до завтра не окочурится, пусть начальство думает.

– Ну, давай пока другие дома обойдем.

Катарина поняла, что у нее есть несколько часов, чтобы умереть так, как она хочет. В это время она увидела сестру. Елизабет так же сидела в углу, уже в возрасте, но очень красивая. Она умерла пять лет назад, в Финляндии. В Саратове в гостях у купца однажды побывал один инженер. Он влюбился в Елизабет и увез с собой. Сначала в Азербайджан, где работал, а потом и на свою родину – в Финляндию. Жили они счастливо, у них было много детей. Елизабет писала письма, присылала фотографии. Дети ее, конечно же, никакой связи с родственниками в Поволжье не поддерживали. Только через много лет праправнук Елизабет восстановит историю семьи и встретится с дважды правнуками Катарины.

И вот сейчас она сидела здесь. Нежно смотрела на сестру и так же нежно произнесла: «Du bist ald g'worre, Schwesterchen. Mgr' hun uns so lange net g'sehe»¹. После чего исчезла.

Катарина слышала звуки машин, мычание коров, которые ходили по улицам и не понимали, почему хозяева не пускают их во двор и не доят. Слышала лай собак, русскую речь. Она была спокойна. Она знала, что Фридрих справится и позаботится о семье. Она верила, что после войны он вновь вернется в этот дом. Она не могла догадываться, сколько испытаний выпадет Фридриху и Генриху. Она никогда не узнает, что такое трудармия и комендатура. Не узнает и того, во что не поверила бы, скажи ей это кто-нибудь, – что некоторые их внуки уже не будут понимать немецкую речь, что немцы в России никогда больше не соберутся на одной земле... Она была счастлива умереть здесь, на земле своих предков. Ей вдруг вспомнилось, как её дедушка рассказывал ей о своем дедушке, который приплыл в эту пустынную тогда местность вместе с родителями, и построил здесь все новое, и распахал земли, и посадил сады. Через много лет её правнуки, сами того не зная, будут жить всего в 30 километрах от того

---

¹ Ты постарела сестричка... Мы так давно не виделись... (нем.)

места, откуда на поиски счастья во времена Екатерины Великой уехал их далекий предок. Ей же очень нравилась эта земля, она чувствовала её своей и с верой в возвращение сюда своих внуков и правнуков покинула этот мир.

– Ну, вот, теперь точно мертвая.

– Да, зови ребят, пусть грузят и закапывают. Там еще четверо таких по деревне. А я пока рапорт напишу. Кто это у нас?

– Вот списки. Метц Катарина Маргарета, 1850 г.р.

– Да ну? Вот пожила бабуля! Так Катарина или Маргарета писать?

– Не знаю, товарищ капитан, вроде как одно имя...

– В списках как?

– Катарина в одном и Катарина Маргарета в другом...

– Черт их разберет, этих немцев. У нас все просто – имя, отчество, фамилия... А тут – Катарина, Маргарета, Йоханы, Якобы... Пусть будет Катарина. Все, увозите, мне еще рапорт писать.

02.01.14